

ВСТРЕЧА ВЕТЕРАНОВ 474-й СУБМАРИНСКОЙ
КРАСНОЗНАМЕННОЙ СРЕДНЕЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ,
КРАСНЫХ СЛЕДЩИКОВ ШКОЛЫ № 28 в ЛЕНИНСКО-
КУЗНЕЦКОГО И ШКОЛЫ № 14 в КЕМЕРОВО
С ВЕТЕРАНОМ ДИВИЗИИ
ГЕРОЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, АКАДЕМИКОМ
НИКОЛАЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ЯВРОКО

Встреча ветеранов 376-й Кузбасско-Псковской Краснознаменной стрелковой дивизии, красных следопытов гг. Кемерово, Ленинска-Кузнецкого и Новосибирска с ветераном дивизии Героем социалистического труда, академиком Н.Н.Яненко.

Новосибирск, Академгородок, 8 февраля 1983 г. Институт теоретической и прикладной механики СО АН СССР.

На встрече присутствовали:

г.Кемерово.

I. Белозеров Петр Дмитриевич	Зав.музеем школы № 24
2. Лазарева Нина Алексеевна	Директор школы № 24
3. Тихонов Владимир	Учащийся 9 кл.
4. Олешинкина Ирина	—"
5. Елизарова Ирина	—"

г.Ленинск-Кузнецкий.

6. Сухацкий Александр Борисович	Военрук школы № 38
7. Литохин Александр	Учащийся 10 кл.
8. Курохтин Вадим	—"

г.Новосибирск.

9. Смахтин Петр Ильич	Член совета ветеранов
10. Арестов Виталий Гаврилович	Член совета ветеранов
11. Буньков Игорь	Учащийся 9 кл. шк. № 95

По просьбе участников встречи Н.Н.Яненко рассказал о своем боевом пути в составе 376-й Кузбасско-Псковской Краснознаменной стрелковой дивизии.

После призыва в армию в 1942 г. я проходил обучение в г.Бердске, а затем в г.Бийске, где и был зачислен в формирующуюся там одну из маршевых рот 376 СД.

Это было трудное для нашей страны время. Брат раздолья и Волга

После призыва в армию в 1942 г. я проходил обучение в г. Бердске, а затем в г. Бийске, где и был зачислен в формирующуюся там одну из маршевых рот 376 СД.

Это было трудное для нашей страны время. Враг рвался к Волге и Кавказу. Наступление немцев на юге было крупномасштабным, нами были потеряны важные в экономическом отношении области. Здесь в Бийске в роте был зачитан приказ 227 - ни шагу назад. Страна мобилизовала все силы и вот из Сибири пошли пополнения для подкрепления частей, которые сражались на фронте.

22 октября 1942 г. мы выехали из Бийска и 17 ноября прибыли в район ст. Войбокало под Ленинградом. Ехали почти месяц в теплушках. Кто-то спал на нарах, кто-то под нарами, но доехали. Войбокало было совсем рядом с передовой и мы сразу же слышали артиллерию - фронтальную канонаду, которую я сначала принял за раскаты грома. Фронтовики посмеялись - это шла перестрелка. Наше подразделение было распределено в части 376 стрелковой Кузбасской дивизии. Я был направлен в 1248 СП и вскоре был назначен на должность переводчика штаба полка.

376 СД вместе с другими частями 2-й ударной армии вышла из "мешка" в районе Мясного бора. Настоящее название его было Местный бор, а солдатская молва окрестила его так в память об этих ожесточенных боях.

Ленинград в то время находился в тяжелейшем положении, население гибло от бомбежек, артобстрела и недоедания. Нужно было прорвать блокаду и наладить снабжение Ленинграда важными грузами и продуктами по железной дороге.

В январе 1943 г. части Красной Армии готовились к прорыву блокады ударами Волховского и Ленинградского фронтов. 2-я ударная армия к этому времени находилась в тылу на переформировании и на

ее пополнение стали прибывать Сибирские части.

Уже 11 января части нашей дивизии стали выдвигаться на исходные позиции, а 12 января был нанесен общий удар, начавшийся более чем двухчасовой артподготовкой.

Впервые в своей жизни я был свидетелем артподготовки. Потом такой я больше уже не видел. На всей передовой стоял сплошной гром и гул, работали все калибры артиллерии и катюши.

В первый день наш фронт продвинулся на 3 км. Противник усилил сопротивление, подтянул 6-ти ствольные минометы, перебросил авиацию, и 376-й дивизии пришлось буквально прогрызаться через оборону противника, напичканной огневыми точками и дзотами. Все это задерживало наше продвижение.

Нужны были танки, но они не могли эффективно действовать, так как кругом были торфяные болота. Очень ожесточенными были бои за высоту Синявино, окруженной болотами. Ее господствующее положение позволяло контролировать обстановку тем, кто ею владеет. Высота много раз переходила из рук в руки. Вблизи высоты образовалось кладбище подбитых наших и немецких танков, в конечном итоге с одной стороны высоты закрепились наши, с другой противник.

Семь дней шла битва в лесах и на болотах, на заснеженных полях, а на восьмой день наши ударные группировки соединились в районе рабочего поселка № 5.

Блокада была прорвана.

После прорыва блокады положение временно стабилизировалось. Это позволило наряду с боевыми сражениями наладить идеологическое сражение.

При штабе армии начал действовать отдел, организующий пропаганду среди войск противника.

Сначала вели ее простейшим способом: пропагандист (рупорист как его звали), знающий немецкий язык, заучивал наизусть текст, проникал в нейтральную зону и при помощи простого рупора передавал информацию.

Меня привлек к этой работе работник штаба армии старший лейтенант Лорман Абрам Эвадьевич, хотя формально в это время я был зачислен переводчиком штаба полка.

Первую передачу я начал через 3 дня после начала боев. Двое связных провели меня и А.Э.Лормана до штаба строевой роты на передовой, где мне дали двух автоматчиков и мы вместе полезли в нейтральную зону. Автоматчики охраняли меня с обеих сторон, а я забрался в какую-то воронку и начал передачу.

Передача проводилась ночью, перестрелка прекратилась, и голос мой был хорошо слышен на расстоянии 200-300 метров.

Через день я передачу повторил и так продолжалось несколько месяцев с теми же интервалами.

До немцев передачи доходили, что подтвердили допросы пленных и нахождение у многих взятых в плен немецких солдат наших листовок, служащих пропуском.

Действенности нашей пропаганды помогали и наши успехи под Сталинградом и сам факт прорыва блокады. Фашистское командование скрывало от своих солдат правду о Сталинграде и информация с передовой о разгроме армии Паулуса на них действовала.

Я расскажу о некоторых боевых эпизодах, связанных с деятельностью разведки.

Вскоре после прорыва блокады я перешел в I252 СП, где мне пришлось работать вместе с помощником штаба по разведке капитаном Петровым.

Капитан Петров был по образованию преподаватель из сибирского города Куйбышева, тоже сибиряк. Это был настоящий воин, талантливый командир, зарекомендовавший себя в боях несмотря на свою мо-

лодость, в районе рабочих поселков он провел ряд блестящих операций по разведке.

В одном месте на передовой наши траншеи сходились с немецкими очень близко до 30-40 м. Находившиеся там подразделения капитана Мальцева (боевое охранение) все время имело стычки с немцами, часто при этом использовались ручные гранаты.

Дело доходило до того, что наши солдаты, да и сам Мальцев, перехватывали брошенные немцами гранаты, имеющие длинные деревянные ручки и успевали их перебросить обратно в немецкие траншеи. В этих условиях захват языка был чрезвычайно трудным. Несколько наших разведок оказались неудачными, так как захваченных пленных не удавалось довести живыми до наших траншей.

Капитан Петров предложил свой план разведки. Группа разведчиков была вооружена гранатами, в том числе противотанковыми, была придана 45 мм пушка и были приготовлены маты.

На рассвете, когда бдительность противника ослаблена, 45 мм пушка открыла беглый огонь по траншеям и огневым точкам противника. Разведчики, разбросав гранатами проволочное заграждение и набросив на них маты бегом ворвались в траншею противника. Схватив там под дулами автоматов трех немцев таким же образом вернулись обратно.

Вся операция продолжалась 3 мин. Потом такие же операции были проведены и на других участках. Все они были удачными, было захвачено 7 немцев, с нашей стороны потерь не было. В этих поисках отличились и были награждены орденами и медалями разведчики Кутковой, Смирнов, Гилев и другие. Это были подлинные мастера своего дела. У немцев поисковой разведки не было, так как фашисты боялись рукопашной схватки.

К осени мы передислоцировались на р. Ижору под Ленинградом. Все попытки переправиться через реку были неудачны, так как подступы к немецким траншеям и сама река бдительно охранялись, переправы

непрерывно освещалась ракетами.

Как только стал лед, попытки взять языка возобновились, но вновь неудачно. Фронт готовился к снятию блокады, язык был крайне необходим.

Командир полка приказал: пленный должен быть во что бы то ни стало. Тогда капитан Петров с наступлением темноты повел сам разведывательную группу. Разведчики смело в рост перешли реку, вышли на левый берег и взяли в плен 3-х раненых немцев. Один из них поднял крик, противник открыл огонь, пленные были убиты, а двое наших и среди них капитан Петров были тяжело ранены.

Медсестра, которая была на передовой, оказала помощь раненым, спасла жизнь разведчику Смирнову, но жизнь капитана Петрова она спасти не смогла.

В медсанбате ему операцией удалили пули из живота, но начался перитонит и капитан Петров умер. Это была тяжелая для всех наших разведчиков потеря.

В январе 1944 г. началась операция по снятию блокады г. Ленинграда.

В первый же день враг был отброшен на 70 км. Мы шли пешком целые сутки, спали считанные минуты на снегу. После этого людей поднимали и преследование врага продолжалось.

В результате дивизия растянулась, тылы и артиллерия отстали. Этим, конечно, воспользовался противник, нанося нам потери огнем. Кроме того им была подтянута 12 танковая дивизия, которая, маневрируя, по шоссе Псков-Гдов, интенсивно обстреливала наши боевые порядки.

Мы шли с боями январь, февраль, и в марте остановились у г. Пскова. Никто не имел возможности отдыхать, при 20-ти градусном морозе все спали на снегу.

Потери были велики, особенно в пехоте. В полку осталось около тридцати активных штыков.

В это время мне пришлось командовать как строевому офицеру.

5 марта 1944 г., когда дивизия была на подступах к Пскову, полковник Гринев собрал вне наличные силы в штабе (связные, часть комендантского взвода) вооружил их легким стрелковым оружием (винтовки, автоматы) без какой-либо противотанковой поддержки, подчинил эту боевую группу мне и приказал взять д.Погорелку, заняв ее окраину слева от шоссе. Справа должны находиться наши артиллеристы.

Деревня находилась от расположения полка километрах в двух-трех. Мы направились прямо по снегу, но потом свернули и вышли на шоссе. Не доходя метров 300 до деревни, мы обнаружили на шоссе немецкие противотанковые тарелочные мины, и тут же нас накрыл минометный налет немцев.

Пришлось всем залечь между этими минами. Продолжался налет около минуты, после чего мы совершили марш-бросок и ворвались в деревню, которая была сожжена. То, что осталось, представляло собой груды кирпичей, каждый очаг был подорван. В деревне никого не было видно, по-видимому, наши артиллеристы оборудовали свои позиции на правой окраине.

Далее события продолжали развиваться так же быстро. Немцы атаковали деревню одним самоходным орудием "Фердинанд" и примерно полуротой пехоты. Двое моих бойцов были ранены, но в это время вступили в бой артиллеристы и атака немцев была сорвана.

Мы остались в деревне и держали ее до прихода наших сил. Ночью немцы деревню интенсивно обстреливали, сопротивление врага было ожесточенным и командованию приходилось вводить в бой все резервы. Деревня осталась за нами.

Выполнив боевое задание, я вернулся в штаб и продолжал выполнять обязанности переводчика.

Так, двигаясь с тяжелыми боями, мы вскоре вышли в район г. Пскова и здесь стояли до лета. Летом за несколько дней до взятия города наши бойцы наблюдали страшную картину. Немцы планомерно и педантично начали взрывать все более или менее значительные здания. Эту варварскую операцию им до конца осуществить не удалось, 23 июля город был освобожден штурмом наших войск.

Потерпев поражение, немцы стали отходить к г. Риге, а затем дальше на Курляндский полуостров, который обороняла группа войск под командованием генерала Шернера (впоследствии фельдмаршала). Этот Шернер затем командовал группой войск в Чехословакии и перебежал в последний момент в американскую зону.

В город Ригу вошли почти одновременно несколько армий. Мост через Даугаву был взорван. Через реку мы переправились на лодках. После боев в черте города и пригородах наша дивизия пошла дальше на запад.

В декабре обстановка стабилизировалась, дивизия вышла на реки Гауя и Лиелупе, несколько раз их форсировала и стала выполнять задачу блокирования Курляндской группировки.

Как в последствии выяснилось, блокированная группа немецких войск по численности превосходила участвующих в блокаде войск Советской Армии.

7 мая Курляндская группировка (до 300 тысяч солдат и офицеров) капитулировала. Здесь и закончились бои.

После небольшого отдыха дивизию вернули на родину в г. Пензу.

Хочу еще остановиться на вопросе пропаганды.

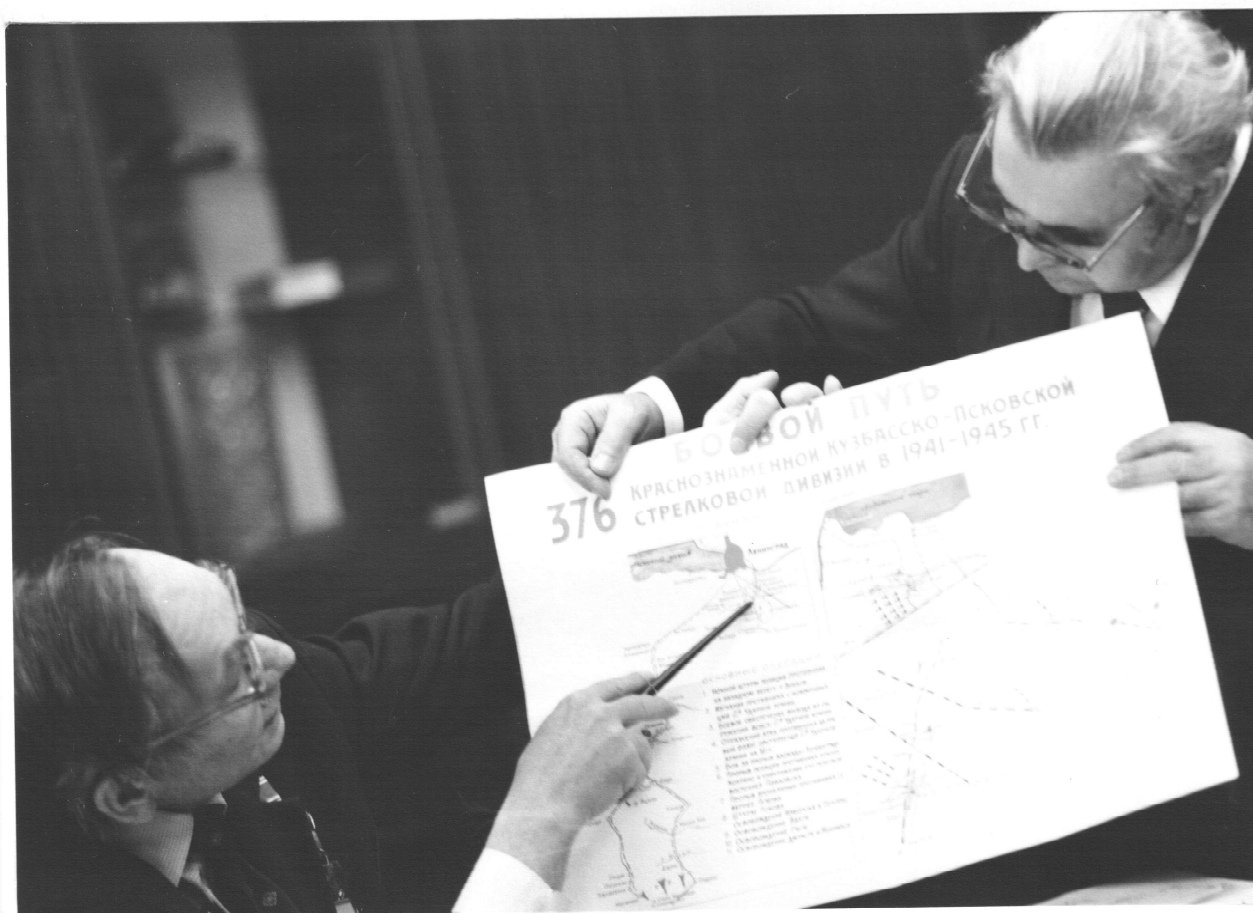
Не всегда, конечно, мы вели пропаганду примитивными средствами, были у нас и мощные громкоговорящие установки. В передачах прини-

мали участие капитан Лорман, немец Пауль Маш, который ранее сдался в плен с нашим пропуском и стал антифашистом.

Однажды мы с Паулем Машем вели передачу речи Вильгельма Пика. Немцы сначала слушали передачу в полной тишине, но затем был проведен артиллерийский контрналет, наша проводка, выносной рупор, дверь в землянке были разбиты. По счастливому случаю мы остались целы.

Правда, передач мы не могли полностью оценить, но партия и правительство заглядывали далеко вперед. Шли бои, а уже заклады — валось ядро будущих кадров, активистов-антифашистов. Наша пропаганда сказала не сразу, но очень полномерно, так как потом в ГДР мы имели уже руководящие кадры, стоящие на социалистическом пути.

В числе их был и товарищ Пауль Маш, который был на руководящей работе в г. Шверине, а теперь возглавляет там общество дружбы с СССР.

1. Где Вы родились, где учились?

Родился 22 мая 1921 г. в сибирском городе Куйбышеве. Два года спустя родители переехали в г. Новосибирск. Учился сначала в 25-й школе, а затем в I-ой железнодорожной школе, которую окончил в 1939 году.

В том же 1939 г. поступил в Томский государственный университет, полный курс которого закончил в 1942 году.

В связи с войной время обучения в университете уменьшили до 4-х лет. Мне же удалось за один год закончить два курса. Дополнительный курс мне разрешили сдать экстерном.

Во время войны в г. Томск эвакуировали часть профессуры МГУ. Среди них были профессора Рашевский и Баев.

Когда кончалась война, я написал профессору Рашевскому. Он меня вспомнил и прислал свою книгу по тензорному анализу.

После окончания войны демобилизовался из г. Пензы в Москву и поступил в аспирантуру МГУ. Там же в МГУ защитил докторскую диссертацию как геометр.

Сначала я работал в Москве в отделе прикладной математики под руководством М.В.Келдыша и А.Н.Тихонова. Потом из Москвы я постепенно перемещался на восток; работал на Урале, где я возглавил вычислительный центр, а в 1963 г. вернулся в Новосибирск.

2. Кто были Ваши фронтовые друзья?

Близким другом на фронте был капитан Петров, о котором я вам сегодня рассказал.

Товарищескими были отношения с капитаном Барышниковым — командиром разведывательной роты 376 СД, а также с Лорманом Абрамом Эвадьевичем, с которым я взаимодействовал в работе по пропаган-

де среди войск противника.

Хорошими товарищами были многие разведчики нашего полка, но сейчас я потерял их след.

3. Какие были у Вас встречи с однополчанами?

В Москве, будучи в аспирантуре, встретился на Моховой с командиром 376 СД генерал-майором Поляковым. В Ленинграде встретился с командиром роты разведки Барышниковым. Сейчас нахожусь в переписке с несколькими сослуживцами по 376 СД.

4. Когда Вы определились как ученый, и что этому способствовало?

Как ученый я определился в Москве после окончания аспирантуры. Решающее влияние на это оказал профессор П.К.Рашевский. Там я стал геометром, чему немало способствовали его замечательные лекции и семинары.

Когда ученый деятельно работает, учитывая потребности практики, ему приходится решать все новые и новые задачи.

Так было в отделе прикладной математики, где моим новым учителем стал Андрей Николаевич Тихонов – академик, сейчас директор Института им. М.В.Келдыша.

Он привил мне вкус к математической физике и прикладной математике.

Работали мы над весьма важными задачами, за решение которых в 1953 г. А.Н.Тихонов получил звание Героя Социалистического Труда. Я в числе других сотрудников А.Н.Тихонова получил Государственную премию и Орден Трудового Красного Знамени.

На Урале мне пришлось работать самостоятельно. Там я приобрел первый опыт как организатор науки.

После приезда в г. Новосибирск по вызову М.А.Лаврентьева и Г.И.Марчука я многому научился у них. Здесь я написал книгу "Метод дробных шагов", которая переведена на три языка - немецкий, английский, французский.

Затем написал книгу вместе с моим другом Б.Л.Рождественским "Системы квазилинейных уравнений".

По предложению академика Г.И.Марчука в 1976 г. я возглавил Институт теоретической и прикладной механики СО АН СССР.

5. Какова Ваша семья?

Старшая дочь Наташа - работает вычислителем в Институте гидродинамики. Младшая дочь Татьяна - экономист, защитила кандидатскую диссертацию.

6. Кого из советских ученых Вы считаете наиболее талантливым?

Слово талантливый не вполне уместно в применении к таким выдающимся ученым как А.Н.Тихонов, М.В.Келдыш, М.А.Лаврентьев. Их гигантский вклад в советскую науку ощущается уже сейчас, их результаты вошли в нее как неотъемлемая часть, как основа дальнейшего развития.

Здесь требуется более емкое, масштабное слово, нежели талантливый. Как всегда, будущее покажет их место. Несомненно, что это ученые первого ранга.

Я буду говорить только о тех, с которыми я работал.

А.Н.Тихонов - удивительный человек, непрерывно в работе, сгусток энергии, работает по 14 часов в сутки.

С.Л.Соболев - выдающийся ученый, аналитик.

М.В.Келдыш - выдающийся ученый. Входил в когорту ККК - Келдыш, Королев, Курчатов. Отличался изобретательностью, способностью быстро

находить правильные решения, большой мастер научных дискуссий.

Первым из советских математиков организовал вычисления на ЭВМ и произвел важные расчеты.

Г.И.Марчук. Начал свою научную деятельность как физик, но затем стал известен как вычислитель. Ученый исключительно широкого кругозора.

М.А.Лаврентьев – разносторонний ученый, получивший первоклассные результаты в математике, механике. Организатор науки большого масштаба.

А.А.Самарский – фронтовик, крупный специалист в области вычислительной математики и математической физики.

7. Какие награды и за что Вы имеете?

"Медаль за отвагу". Получил в 1944 г. за участие в боях за деревню Погорелку и за работу рупористом в совокупности.

"Орден Красной Звезды" получил в 1945 г. на фронте.

Три ордена Трудового Красного Знамени.

Два из них получил в Отделении прикладной механики, а третий в Сибирском отделении АН СССР.

"Орден Октябрьской Революции" получил здесь. Имею две медали лауреата Государственной премии.

В 1981 г. получил звезду Героя Социалистического Труда и "Орден Ленина" за совокупность работ, воспитание научных кадров и в связи с шестидесятилетием.

8. Какова роль и значение Института?

История Института очень сложная. Им руководили выдающиеся люди: академик С.А.Христианович – бывший научный руководитель ЦАГИ, академик В.В.Струминский – аэродинамик, академик БССР Р.И.Солоухин – физик, развивший в институте лазерную тематику.

Деятельность института охватывается четырьмя научными направлениями, утвержденными Постановлением АН СССР.

1. Математическое моделирование.
2. Аэрогазодинамика.
3. Физическая газодинамика.
4. Методы измерений в аэрофизическом эксперименте.

Институт имеет большие заслуги в области теоретической и экспериментальной газовой динамики, гидродинамики, механики деформируемых тел, горения.

Созданы уникальные установки, которые внедряются в промышленность (например, технологический лазер, тепловизор, термоанемометр и многое другое). Ведутся фундаментальные исследования в области турбулентности.

В институте наряду с научными подразделениями есть разные службы, мастерские, небольшая группа строителей, монтажники.

Все они обеспечивают работу многочисленных экспериментальных установок, расположенных в нескольких зданиях. Экспериментальные установки мы все время обновляем. У нас есть возможности для этого, а здания уже устарели, стали малы. Именно в этом вопросе мы испытываем наибольшие трудности.

9. Какими языками Вы владеете?

Немецкий - изучил еще будучи в школе. Был хороший преподаватель и конечно много работал сам.

Французский - изучал в Томском госуниверситете.

Английский - изучил самостоятельно.

За рубежом приходится бывать часто, в основном читаю лекции и небольшие курсы на всех трех языках.

Во Франции был 5 раз, в ФРГ - 2 раза, США - 2 раза, Канаде - 2 раза.

Был в Чехословакии, Польше, ГДР, Болгарии, Голландии, Австрии.

Воспоминания о боевых эпизодах бывшего
командира саперного батальона 376 СД
Смахтина Петра Ильича

Я хочу остановиться на боевом эпизоде происходившим в бою на развилке дорог во время которого погиб наш батальонный командир В. Введенский.

Из-под Ленинграда мы шли на Псков. Это было на границе между Ленинградской и Псковской областями, где вдоль фронта проходила шоссейная дорога Гдов-Псков. По ней противник отводил войска и технику.

Командованием была создана группа преследования в которую входили подразделения I248 СП, лыжный батальон, танковый батальон, по одному дивизиону полевой и противотанковой артиллерии и моя саперная рота.

Перед шоссейной дорогой протекала река. Нужно было прорвать оборону противника, пройти километров 20, оседлать развилку железных дорог и там ждать прихода своих главных сил.

Река оказалась небольшой, около 10м ширины. Для прохода танков и артиллерии нужно было построить мост и уже на другой стороне проложить 80-ти метровую гать через заболоченные и торфяные поймы. Эту работу должны были выполнить мы.

Утром без артподготовки выделенные войска пошли в атаку. Лыжный батальон форсировал реку и стал вести бой в глубине обороны противника. Мои саперы тоже вышли к реке и стали наводить переправу. В район работ залетали осколки снарядов, мин, но с этим как-то свыклись.

Вот уже реку форсировали и танки и дивизионная артиллерия. Остался на нашей стороне только противотанковый истребительный

ДИВИЗИОН.

В это время в роту пришел командир саперного батальона, еще совсем молодой офицер Виктор Введенский, хотя казалось в это время он мог бы здесь и не быть.

Он нам передал, что боевая задача изменилась, и оборону будем держать на реке.

Поскольку в процессе боя оказалось, что прикрывающие нас подразделения частью отошли, частью прижались к реке, наша рота стала основой обороны и саперы взялись за оружие.

Комбат дал указание частью сил зайти в тыл противника, охранять фланги, а сам взял у бойца автомат и принял участие в отражении атаки.

Противник вел плотный огонь. Я был рядом с комбатом. Он мне вдруг говорит, что с ним что-то случилось, — у него отнялись ноги, а сам продолжает стрелять, пытаюсь поразить офицера противника.

На самом деле он был серьезно ранен пулей в позвоночник. Следующая пуля попала ему уже в висок и он был убит.

В этом бою рота понесла большие потери. Дальнейшее командование батальоном поручили мне.

В процессе дальнейшего наступления вблизи г. Пскова мы подошли к немецкой линии укреплений, которой они дали имя "Пантера" и которой очень кичились.

Это были действительно очень мощные укрепления, и нашим войскам пришлось с большими потерями прогрызаться через них.

22 июля 1944 г. мы заняли восточную часть Пскова. Нам предстояло обеспечить переправу войск, техники и боеприпасов через реку Великую. Своих переправочных средств в батальоне не было, но мне удалось в армии получить 6 лодок саперных и 4 лодки склад-

ных.

В это время на переправу прибыл командир 376 СД генерал-майор Поляков. Я получил указания о порядке переправы различных родов войск и средств обеспечения, и тут же он меня спросил, как я буду переправлять артиллерию.

Вместо ответа я ему сразу же показал на реку, где на лодках шли на ту сторону орудия.

Он не ожидал такой нашей оперативности и сказал: "Что же ты мне раньше об этом не сообщил, я уже представил к награждению полк форсировавший реку. Вы в этом сыграли большую роль, а мы вас не представили".

У командира полка была радиостанция и связь, а у нас по штату ничего такого не было.

По пути из Эстонии в Латвию мы взяли несколько городов и шли вдоль реки Гауя.

Но вот заняли г.Стренчи. За ним течет река, и мост разрушен. Ширина реки метров 100, но глубина небольшая, и только на середине реки на протяжении 18-20 м она углубляется.

Встала проблема: восстанавливать старый мост или строить новый.

В нашем батальоне в это время был офицер Громов - толковый и сообразительный инженер из Ленинграда. Он предложил и мы сразу же с ним согласились поставить на глубоком месте ряз и с него опустить на мелкое место аппарели. На все работы требовалось 2 часа.

Когда работы уже начались меня вызывает к реке командир дивизии и с ним корпусной инженер. Командир дивизии сказал, что корпусной инженер со своим батальоном предлагает вместе с моим батальоном восстановить пролет старого моста, но он просит на

это дело 18 часов.

В ответ на это я сказал, что мы уже строим новый мост и нам для его завершения требуется только 2 часа.

Преимущество нашего предложения было очевидно. Оно давало возможность по крайней мере на 8 часов сократить время выдвижения пехоты и тем более артиллерии и др. техники.

Мост был построен. Вот, что значит принять правильное решение.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ Н.Н.ЯНЕНКО

Молодежи трудно представить как все это происходило, какие это были люди, которые отдали свою жизнь за Родину или же, пережив войну, сейчас продолжают участвовать в мирном труде.

Тот кто был на войне, прошел гигантскую школу, своеобразный университет. Сейчас в этом смысле я могу сказать, что закончил три университета Томский, Ленинградский и Московский.

Я не военный человек, но пережил на войне очень много, как всякий фронтовик. Каждый из нас очевидец бесконечных эпизодов, свидетель гибели ратных советских людей, которые своей кровью оплатили каждую пядь нашей земли. Это остается навсегда в памяти. Каждый фронтовик прокручивает в памяти своей страшный неповторимый фильм.

Сознание, что мы живы и поэтому в долгу перед павшими, заряжало нас такой энергией, давало такую зарядку, что мы преодолевали все препятствия, которые перед нами стояли.

После войны мы перенесли этот дух фронтового натиска на мирные исследования. Вы, конечно, знаете, какой рывок совершила страна в области техники во время и после войны.

Мы поняли, что без техники не может быть безопасности Родины.

На развитие такой техники, передовой технологии, а математику я тоже отношу к технике, я приложил все свои силы.

Этим я отмечаю свой долг перед теми, кто не вернулся с войны. Мы вечные должники этих непришедших, этих известных и неизвестных героев, которые обеспечили своею кровью нашу победу.

